

А. В. ЛЕЖАВА

НОВЫЕ КРЕПОСТНЫЕ

НЕОФЕОДАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОЕ РАБСТВО

Александр Валерьевич Лежава

Новые крепостные. Неофеодализм и современное рабство

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66847898

*Новые крепостные. Неофеодализм и современное рабство/А. В. Лежава. – М.: , : РИПОЛ классик; Москва; 2021
ISBN 978-5-386-14355-8*

Аннотация

Правящие элиты не способны самостоятельно формировать что-либо конструктивное, они не могут строить и создавать действительно ценное, но они умеют и любят отнимать и делить созданное другими. Именно для этого нынешним властителям и нужны новые крепостные, которые будут безропотно подчиняться и обслуживать новую аристократию, и считать это за высшее счастье.

Постиндустриальное общество с его высоким технологическим уровнем развития дало элитам качественно новые возможности строить неофеодализм, для этого используются красивые, но обманчивые формулировки вроде «Четвёртой промышленной революции» или «Новой нормы», с помощью которых они обещают привести население к

светлому будущему. Однако, если убрать эту красивую обертку, то реальность оказывается гораздо более мрачной по своим последствиям, чем традиционное крепостное право, которое уже сейчас выглядит как подлинный разгул свободы.

Можем ли мы противостоять этому?

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Несколько слов о том, как появилась эта работа	8
О крепостном праве и его перспективах	11
Об экономике, финансах и процессе финанциализации реальной экономики, или Как мир дошел до нынешнего состояния	21
Всемирный экономический форум и дивный новый мир	34
Идеология «Великой перезагрузки» по словам ее авторов: вперед к неофеодализму	39
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Лежава
Новые крепостные.
Неофеодализм и
современное рабство

Объединяйтесь, русские люди.

Я рассчитываю на вас.

Государь-император Николай II

© БФ помощи нуждающимся «Крепкие руки», 2021

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2021

РИПОЛ
КЛАССИК

Эта книга была издана при поддержке и непосредственном участии Благотворительного фонда помощи нуждающимся «Крепкие руки».

Адрес фонда: Москва,

Нижний Кисловский переулок 7, строение 1, офис 302

Тел.: +7-495-981-8132

E-mail: strongarmsorg@yandex.ru

Телеграмм-канал А. Лежавы «Деньги и жизнь»:

<https://t.me/lezhavamoney>

Несколько слов о том, как появилась эта работа

Эту книгу в конце октября 2020 года мне предложили написать Д. Лобанов, руководитель издательства «Книжный мир», и С. Харцизов, с которым мы не раз обсуждали различные темы на канале «Завтрашний день». Эта идея показалась мне интересной, поскольку незадолго до этого мы беседовали на эту тему на канале «Аврора» с пригласившим меня выступить там Алексеем Новицким. Любое выступление на радио или телевидении ограничено по времени и зачастую не позволяет полностью раскрыть те или иные аспекты проблемы. К тому же передача на «Авроре» была более ориентирована на локальные прикладные проблемы российских граждан, тогда как книга дает возможность увидеть более широкую картину происходящего. Она была написана в ноябре – декабре 2020 года.

Впервые тема неофеодализма и новых крепостных была мной затронута в книге «Золото. Гражданин или государство, свобода или демократия», которая была завершена в декабре уже довольно далекого 2009 года. Она стала продолжением моей первой работы «Крах „денег“, или Как защитить свои сбережения в условиях кризиса» и развила определенные моменты, не вошедшие в нее.

О проблеме неофеодализма в ней говорилось лишь бегло и фрагментарно, поскольку не она была основной темой книги. К тому же на тот момент она просматривалась лишь как перспектива. О каких-то конкретных шагах и мероприятиях в этом направлении говорить было бессмысленно, поскольку это напоминало бы обычные гадания на кофейной гуще.

Прошедшие десять лет и особенно последний год наглядно демонстрируют, что властные элиты усиленно двигают мировое сообщество именно в этом направлении, причем ускоренная деградация экономики и накатывающая новая волна глобального экономического кризиса подталкивают их делать все более активные и резкие движения для достижения своих целей. Наиболее ярко это проявляется в финансово-экономических, социальных и технологических аспектах. И каждый из нас самостоятельно может видеть все это во всем своем совершенно неприкрытом безобразии.

Главная проблема, по мнению автора данной работы, заключается в одном и предельно простом факте: правящие элиты или элита самостоятельно не способна ни на что конструктивное. Сама по себе она не способна создавать что-либо действительно ценное. Она не способна самостоятельно что-либо строить. Единственное, что она может и любит делать – это отнимать и делить созданное другими. Но для того чтобы что-то отнять и поделить, необходимо, чтобы это что-то было кем-то создано. Именно для этого в том обществе, которое хотят построить на будущее нынешние власти-

тели, и нужны новые крепостные. Они необходимы, чтобы безропотно подчиняться и обслуживать тех, кого в этой работе мы будем называть новой аристократией или неофеодалами, и считать это за высшее счастье. Хотите ли вы такой судьбы для ваших потомков, решать вам.

О крепостном праве и его перспективах

Развитие производительных сил и производственных отношений привели к смене феодализма капитализмом. Их дальнейшее развитие существенно меняло как мир, так и сам капитализм. Он достиг своей высшей стадии – империализма, но его дальнейшие изменения произошли несколько иначе, чем предполагали К. Маркс или В. И. Ленин. Ни социализм, ни коммунизм не пришли к нему на смену. Вместо этого начался процесс активной деградации самого капитализма, причем важнейшую роль в этом процессе играла и играет транснациональная финансовая олигархия.

Этот процесс сначала разрушил национальные империи, место которых заняло множество небольших стран, не обладающих достаточной мощностью, чтобы противостоять постепенному глобальному захвату власти финансовой олигархией. Затем постепенно промышленный капитализм был заменен становящимся все более виртуальным постиндустриальным обществом, на смену которого правящие элиты все активнее и зримо продвигают неофеодализм – феодализм, но на качественно ином технологическом уровне развития.

Для этого используются разные красивые, но обманчивые формулировки вроде Четвертой промышленной революции

или «Новой нормы», с помощью которых правящие круги в очередной раз обещают привести население к светлому будущему. Однако реальность, если убрать эту красивую обертку, оказывается гораздо более мрачной по своим последствиям, чем традиционное крепостное право, которое в сравнении с будущим уже сейчас выглядит как подлинный разгул свободы.

Здесь стоит лишь кратко напомнить о традиционном крепостном праве и происходивших в дальнейшем переменах, поскольку все в школе изучали русскую и мировую историю, и нет особой необходимости говорить о прошлом, когда всех нас гораздо больше интересует время, в котором мы живем, и будущее.

Когда речь заходит о крепостном праве, в подавляющем большинстве случаев речь идет не столько о праве как таковом, сколько об отношениях между различными социальными группами. Поэтому, вероятно, корректнее было бы говорить о крепостной зависимости, тогда как крепостное право – это лишь законодательное оформление этих отношений, придание им некоей законной, по мнению правящего класса или слоя, и защищающей его интересы формы.

Другим важным моментом является то, что под традиционным крепостным правом обычно понимается система юридических норм, запрещавших крестьянам покидать земельные наделы, к которым они были «прикреплены». Крестьянин не мог отчуждать или менять этот земельный уча-

сток. Он находился в полном подчинении у западноевропейского феодала и был вынужден работать на него не менее пяти дней в неделю.

В случае с Россией была своя специфика. Служилому человеку-воину, профессиональному военному, князья, а затем цари и императоры давали землю. Служилый человек «испомещался» на ней. На время службы эта земля принадлежала ему, а за это он был обязан нести воинскую, пограничную и иную службу. Фактически первоначально он также был прикреплен к данной ему земле.

Когда на этой земле жили и крестьяне, то они могли обрабатывать землю и обеспечивать служилого человека-помещика всем необходимым. Если на земле никаких крестьян не было, то он и его семья были вынуждены сами обрабатывать данную ему государством землю. В этом случае его жизнь, когда он не охранял границу и не участвовал в походах или административной деятельности, ничем от жизни обычного крестьянина не отличалась. Эти дворяне составляли класс однодворцев. Позднее Петр I обложил их подушной податью и объединил с казенными крестьянами.

Характерным для России было то, что, хотя русская знать и владела по царской милости землей, монархия не позволяла своему служилому классу пускать корни в деревне. Верховная власть стремилась не допускать экономической самостоятельности дворян. Она была заинтересована в том, чтобы дворяне были готовы в любой момент перебраться на но-

вую должность и место жительства. Уровень доходов подавляющего большинства дворян был так мал, что они практически ничем не отличались от крестьянства по своему достатку и зачастую не могли дать детям образование. Приобрести же какие-либо атрибуты аристократического образа жизни, к которому многие стали стремиться после знакомства с образом жизни европейской знати, для них было практически невозможно.

Окончательное оформление крепостного права в России произошло в 1649 году, когда был принят первый нормативный акт, регламентировавший отношения между помещиками и крепостными крестьянами и установивший власть землевладельца над крестьянами, работавшими на его земле. Крестьяне оказались окончательно прикреплены к земле, что и дало название этому явлению – крепостное право.

Крепостное право отличалось от рабства. Крепостному принадлежали плоды его труда, и он на всем протяжении периода крепостничества владел собственностью.

В России помещик никогда не был юридическим собственником крепостного, а скорее, был сам прикреплен к земле, к которой были прикреплены крестьяне. Он обладал властью над ними лишь в силу того, что сам был прикреплен к службе, кормясь от полученной за это земли с работниками, выделенной ему правительством. При переходе земли от одного помещика к другому вместе с ней передавались и работники. Не зря крестьяне говорили помещикам: «Мы – ва-

ши, а земля – наша».

Хотя закон крайне слабо защищал крестьян в правовом отношении по сравнению с землевладельцами, он признавал определенные неправомерные действия помещиков преступлениями, за которые полагалось наказание. Каждый зависимый человек обладал гражданским правом, защищавшим его личность от бесчестия. За оскорбление крепостного помещик был обязан выплатить потерпевшему значительный штраф, а за убийство ему грозило тюремное заключение или смертная казнь.

Хотя крепостное право играло существенную роль в эволюции нашей страны, но никакого указа о закрепощении крестьян никогда не было издано. Крепостничество выросло на практике из множества обычаев и указов и существовало как с общего согласия, так и безмолвного официального благословения. Всегда подразумевалось, что на деле помещики не являлись собственниками своих крепостных, а скорее, руководили ими от имени монархии. Наиболее ярко это проявлялось после того, как Петр I и его преемники сделали помещиков государственными агентами по сбору подушной подати и набору рекрутов.

Тот факт, что в первой половине XVII века крестьяне стали предметом частных сделок, хотя по закону они были людьми свободными, представлял собой злоупотребление правом, на которое закон фактически закрывал глаза. Власть помещика над крестьянами стала почти безграничной толь-

ко в царствование Екатерины II. Однако рабом крепостной так и не стал.

В процессе закабаления русских крестьян можно выделить два существенно отличающихся между собой этапа. Если XVI и особенно XVII век – это время активного закрепощения крестьян именно государством, то XVIII век – это период бурного роста частного крепостного права. В первый период государство исходило из своих собственных фискальных нужд. Когда люди жестко прикреплены к земле, с них проще взимать налоги. Во втором же в гораздо большей степени происходило не только развитие и рост дворянства как класса, но также изменялось его самосознание в направлении автономии от других сословий. Именно этот период правления Екатерины II известен эпизодами варварской жестокости помещиков по отношению к крепостным.

Значительные перемены в лучшую сторону в жизни крепостных крестьян произошли в период правления сына Екатерины II Павла I, в результате которых, помимо облегчения их жизни, число крепостных начало заметно снижаться. Правившие после Павла I Александр I и Николай I говорили о необходимости отмены крепостного права, но это произошло только в 1861 году при Александре II. Развитие капитализма в России требовало свободных рабочих рук, и отмена крепостного права стала естественным ответом властей на это.

Затем последовал период бурного развития капитализ-

ма во всем мире. Абстрагируясь от социально-политических моментов последующих полутора сотен лет в виде революций, мировых войн, распада колониальной системы и прочего, в финансовом аспекте его можно разделить на два принципиально важных этапа. На первом использовались твердые обеспеченные деньги – золото. Их необходимо было зарабатывать. Мощь государства определялась ее экономическим – заводами и фабриками – научным и военным потенциалами, которые были напрямую связаны с численностью населения, а она, в свою очередь, зависела от потребления энергии и прежде всего нефти.

Если посмотреть на изменение социальных групп населения с момента начала существования крепостного права и по настоящее время, то можно увидеть три основных периода. В период господства крепостного права основную массу населения составляли крепостные крестьяне, над которыми господствовало дворянство – военно-земельная аристократия, тогда как слой свободных людей – горожан, мещан, ремесленников и купцов – был сравнительно невелик.

Период развития капитализма и его борьбы с социализмом был характерен полной ликвидацией крепостного крестьянства как такового и резким увеличением слоя свободных людей – рабочих, крестьян, интеллигенции, предпринимателей, составивших основную массу населения планеты. Одновременно произошел и резкий рост уровня образования самых широких слоев общества. Без этого обеспечение

научно-технического прогресса и военного паритета было невозможным. Традиционная аристократия как таковая была практически незаметным по своей величине социальным слоем. Ее большая часть перешла в слой обычных свободных людей, тогда как ее верхушка практически полностью слилась с транснациональной финансовой олигархией.

Распад социалистической системы, развитие новых технологий – компьютеризации, автоматизации и роботизации – привели к тому, что отпала необходимость в конкуренции с иной социальной системой, а различную продукцию стало возможно производить без участия человека.

Такое количество людей, потребляющих ресурсы планеты, стало ненужным для транснациональной олигархии, прежде всего финансовой. К тому же свободные люди всегда представляли и представляют угрозу для любого социального слоя, который захватил господство в обществе и пытается его удержать.

Для решения этой задачи правящий слой стремится осуществить закабаление самых широких слоев населения и сделать их полностью зависимыми от своих хозяев. Проще всего в текущих условиях это сделать при помощи финансовой удавки – долга.

Судя по тому, как развиваются события, можно предположить, что элиты стремятся осуществить новое крепостное право по гораздо более жесткому, чем рассмотренный выше дореволюционный российский, западноевропейскому

варианту. В его случае новый крепостной вообще не будет иметь какой-либо собственности. Она вся полностью будет принадлежать только неофеодалам.

В условиях неофеодализма нет необходимости привязывать крепостного к земле, напротив, такие взаимосвязи должны полностью отсутствовать. Скорее, он или она будут прикреплены к определенной функции или функциям, которые они будут вынуждены беспрекословно выполнять для своих хозяев. Это также обеспечит мобильность новых крепостных. Поэтому в случае необходимости их будет легко как перемещать в любую нужную их хозяевам точку на земном шаре, так и заменять.

Вторая задача – это не допустить активного противодействия планам властных кругов со стороны общества. Для этого необходимы значительные полицейские и прочие силовые структуры. Также для ее решения требуется обеспечить тотальный контроль и слежку за всем населением и всеми аспектами его жизни, чтобы иметь возможность заранее предпринять необходимые меры для полной ликвидации даже потенциальной возможности какого-либо бунта или сопротивления власти неофеодалов со стороны новых крепостных.

Третья задача – обеспечить постепенное снижение образовательного уровня населения, поскольку малограмотными проще управлять.

И наконец четвертая задача заключается в снижении об-

щей численности населения планеты и такой его трансформации, в результате которой оно выполняло бы свои трудовые функции и не представляло бы угрозы правящему слою.

Целью всех этих процессов можно считать создание неофеодального общества, в котором будут существовать два основных класса – неофеодалы и новые крепостные. На время сравнительно короткого по историческим меркам переходного периода какое-то время еще будут существовать свободные люди и силовики, но и те, и другие постепенно исчезнут, также став новыми крепостными. Да, кстати. Нынешние представители российской высшей законодательной и исполнительной власти и олигархии, вероятно, рассчитывают, что и они в дальнейшем смогут попасть в слой неофеодалов. Это совершенно напрасно. Они могут питать любые иллюзии, но они в дивном новом мире не нужны. Все, что у них пока еще есть, будет изъято на вполне законных основаниях в рамках борьбы с отмыванием доходов, полученных преступным путем, и тому подобного. Примеры именно такого развития событий на Западе есть уже сейчас.

Но хватит об этом. Посмотрим более детально, как мир дошел до нынешнего состояния, как перечисленные выше задачи реализуются на практике и что можно этому противопоставить.

Об экономике, финансах и процессе финансовализации реальной экономики, или Как мир дошел до нынешнего состояния

В результате Второй мировой войны и Бреттон-Вудского соглашения 1944 года, заменившего существовавший до этого золотой стандарт, американская валюта была объявлена мировой резервной валютой, которая обменивалась на золото по фиксированному курсу. Одновременно были установлены твердые валютные курсы для валют стран-участниц к ключевой валюте. Конференция, на которой было принято соглашение, положила начало таким наднациональным структурам, как Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР). В результате этих преобразований американский доллар стал базой валютных паритетов, преобладающим средством международных расчетов, валютных интервенций и резервных активов, а частный американский центральный банк – Федеральная резервная система США – начал играть ключевую роль в валютно-денежном обращении. Период с 1944 по 1971 год можно рассматривать в качестве переходного периода от твердых обеспеченных денег к необеспеченным бу-

мажным валютам.

На втором этапе, с 1971 года, после отказа правительства США от обмена американских долларов на золото, на место денег пришли бумажные необеспеченные валюты, которые центральные банки могли печатать в любых необходимых для правительства количествах. Необходимость их зарабатывать фактически отпала. Единственным сдерживающим фактором оставалось противостояние двух социальных систем – социализма и капитализма.

Во второй половине XX века на Западе довольно популярной была теория «золотого миллиарда». Согласно ей, природных ресурсов, необходимых для комфортного проживания на земле, хватает только на 1 миллиард человек, и в течение ста – ста пятидесяти лет на земле должен остаться «золотой миллиард», который на это «имеет право». В этот «золотой миллиард» включали население США, Канады, Западной Европы, Израиля и Японии. Ничего удивительного не было в том, что население России в этот миллиард не попадало. Противостояние Советского Союза и Запада было в полном разгаре и шло по всем фронтам: финансово-экономическому, политическому, военному, социальному, идеологическому и прочим.

В 1985 году западные правящие круги сформулировали программу в отношении СССР, одной из целей которой было к 2020 году вдвое сократить население нашей страны. В результате предательства определенных представителей со-

ветского высшего политического руководства эта цель была вполне достигнута. Из 300 миллионов населения бывшего СССР в России на момент написания этой книги осталось менее 147 миллионов человек, и в результате политики, проводимой нынешней российской колониальной администрацией, это количество продолжает уверенно сокращаться. Если дело так будет продолжаться и дальше, то заявления М. Тэтчер и М. Олбрайт о том, что «по оценкам мирового сообщества, экономически целесообразно проживание на территории России 15 миллионов человек», вполне могут оказаться реальностью. Кто-то ведь должен качать нефть и газ, валить лес, добывать металлы и так далее для своих иностранных хозяев.

После распада СССР и социалистического лагеря ситуация в мире существенно изменилась. Она затронула не только проигравшую сторону, но и «победителей». Победа оказалась пирровой. Особенно для населения западных стран. Несмотря на все свои негативные стороны, противостояние двух систем в конечном итоге служило прогрессу мирового сообщества. Когда оно прекратилось, исчез сильнейший стимул для этого. Западные элиты достигли поставленной цели. Равный по силам противник исчез, им не к чему стало стремиться.

Распад СССР и прекращение военного и экономического противостояния сняли последнее критически важное ограничение в сфере финансов. Власти и центральные банки по-

лучили возможность печатать бумажную валюту в любом необходимом для решения их целей и задач объеме. Транснациональная финансовая олигархия одержала решающую победу на своем пути к абсолютной власти.

По сути, у западных правителей остались лишь две довольно примитивные цели: еще больше денег и еще больше власти. Классическую индустриальную экономику сменила так называемая постиндустриальная, ведущую роль в которой играет финансиализация (в научной литературе это слово обычно пишут через «с» – «финансиализация», но автор полагает, что именно его вариант написания этого термина более корректный с позиций правил русского языка. Мы же говорим и пишем «цивилизация», а не «сивилизация», как это звучит и пишется на Западе).

Реальная экономика начала терять свое значение, поскольку гораздо большие прибыли и без каких-либо особых хлопот банки, финансовые компании и прочие могли получать за счет доступа к источникам валют – центральным банкам – и все более масштабных спекуляций.

В классической индустриальной экономике наиболее типичной формой получения доходов были: вложение средств в производство, покупка сырья, его переработка и изготовление продуктов, а затем продажа этих товаров на рынке. Этот процесс требует значительных трудовых, финансовых и временных ресурсов и предполагает систематический контроль на протяжении всего цикла. Развитие финансового рынка

открыло новые возможности не только получения доходов, но и значительного увеличения прибыли. Альтернативой реальному производству стало вложение средств в финансовые активы, в определенных случаях управление ими и дальнейшая их продажа с целью извлечения прибыли. Процесс – купить дешево, чтобы продать дорого – называется спекуляцией. Этот способ гораздо более простой и привлекательный с точки зрения возможной прибыли.

Отказ от использования в денежном обращении твердых обеспеченных денег и переход на необеспеченные бумажные валюты еще больше повысил привлекательность спекуляции на финансовых рынках по сравнению с традиционным производством реальных товаров. Постепенно стоимость реальных активов перестала зависеть от их реальной ценности, а стала определяться лишь спросом и предложением ценных бумаг на рынке. Если раньше образование финансовых пузырей сдерживало существование золотого стандарта, а затем система фиксированных валютных курсов, то в настоящее время финансовые операции перестали коррелировать с денежной массой в целом, так как большинство сделок происходит в безналичной форме. Количество игроков на этом рынке стремительно росло. Кроме ранее существовавших банков, инвестиционных фондов, традиционных бирж и брокеров, на рынок вышли страховые компании, пенсионные фонды, трасты, паевые инвестиционные фонды, хедж-фонды. Управлять такими компаниями стало выгоднее, чем

заниматься реальным производством.

Другим существенным моментом стало то, что раньше перераспределение капиталов обеспечивало более эффективное функционирование реального сектора и всей экономики за счет перетекания средств от кредиторов заемщикам, теперь же оно стало неконтролируемым. Не менее важно и то, что финансовый капитал как таковой практически исчез в результате отказа от твердых обеспеченных денег и их замены необеспеченной бумажной валютой, обладающей лишь одной функцией денег из пяти – расчетной. Если твердые обеспеченные деньги необходимо было реально заработать и накопить, то есть сформировать финансовый капитал для реализации какого-либо проекта или производства, то необеспеченную бумажную валюту можно напечатать в неограниченном количестве, и у руля стоит не тот, кто производит, а тот, в чьих руках находится этот печатный станок. В результате средства сосредотачиваются в руках финансовых групп или отдельных участников рынка, обладающих наилучшим доступом к тем, кто владеет печатным станком.

Если бы финансиализация затрагивала только рынки ценных бумаг или финансовые рынки, это было бы не столь критично для мировой экономики. В конце концов, конечного потребителя реальных товаров мало волнует, если кто-то поменял одни якобы ценные бумажки на другие. Но финансиализация в полной мере затрагивает и товарные сырьевые

рынки. Цена на основные виды сырья – топливо, металлы, продовольствие, древесина и т. д. – определяется биржей, то есть на финансовом рынке. На нее влияет множество самых разнообразных факторов, а следствием этого становится зависимость себестоимости продукции реального сектора экономики от биржевых цен. За биржевые спекуляции реальными товарами в итоге платит конечный потребитель, хотя есть и отдельные исключения из общего правила.

Как мы все хорошо знаем, главной целью любого капиталиста является максимальное снижение издержек и максимизация прибыли. В финансовализации для нас более всего интересно то, что в этом процессе извлечения и максимизации получаемой прибыли требуется гораздо меньше людей, чем в процессе реального производства. Более того, в условиях проведения сделок безналичным путем все это довольно легко автоматизируется и роботизируется, что позволяет еще больше сократить численность необходимого персонала. И это, в отличие от, например, того же сельского хозяйства, в подавляющем большинстве своем высококвалифицированные специалисты.

Финансализация ведет к тому, что количество рабочих мест в реальном секторе экономики неуклонно сокращается. Причем этот процесс затрагивает в большей степени не только низкоквалифицированный труд, но и высокооплачиваемых и квалифицированных наемных работников, мелких и средних предпринимателей, то есть тех, кого обычно отно-

сят к понятию «средний класс».

Именно этот социальный слой представляет особую опасность для новой аристократии, поскольку в силу своей активности, образования и относительной финансовой независимости способен выступить в качестве организующей силы для менее обеспеченных слоев населения. Поэтому свою первоочередную задачу элиты видят в том, чтобы нейтрализовать и ликвидировать прежде всего средний класс, в первую очередь лишив его финансовой и экономической независимости.

Этот процесс особенно активизировался после первой волны глобального финансово-экономического кризиса в 2008–2009 годах, когда лишь чудом все не рухнуло, а для мировой финансовой аристократии прозвенел первый звонок. Мировая экономика начала быстро сокращаться в реальном выражении, но в финансовом продолжила свой медленный, но вроде бы как рост.

Иллюзия такого роста обеспечивалась эмиссией все больших объемов необеспеченной бумажной валюты центральными банками всех стран и непосредственно связанным с этим ростом биржевых индексов и фондовых рынков, но реальный сектор мировой экономики активно деградировал.

Основные причины первой волны глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов так и остались неразрешенными, что неизбежно вело к новой вполне ожидаемой, но еще более мощной второй волне. Финансовая

олигархия, сидящая у печатного станка, выиграла некоторое время, в течение которого шел активный поиск средств и методов, с помощью которых она сможет не только сохранить, но и еще более усилить свою власть. К тому же научные и технологические достижения последних лет позволяли посмотреть на будущее совершенно иначе, чем двадцать или даже десять лет назад.

После десятилетий создания кредитов и денег из воздуха центральные банки построили колоссальную долговую пирамиду. По оценкам Института международных финансов (ИМФ), в первом квартале 2020 года глобальный долг составлял 331 % мирового ВВП. Обремененный долгами режим с использованием декретных необеспеченных денег все более увеличивал нестабильность мировой финансовой системы.

По оценкам института, ожидалось, что к концу 2020 года мировой долг вырастет до рекордных 277 триллионов долларов, тогда как общий долг развитых стран – государственных, корпоративных и частных – в третьем квартале подскочил до 432 % ВВП. Отношение долга развивающихся стран к ВВП в третьем квартале составило почти 250 %, в Китае – 335 %, а в течение года ожидается, что это соотношение достигнет примерно 365 % мирового ВВП. Большая часть этого огромного роста долга на 15 триллионов долларов за один год объясняется действиями властей и корпораций в ответ на пандемию. Однако следует помнить, что общий объем долга уже в 2019 году, до какой-либо пандемии и в период фор-

мального роста экономики достиг рекордных значений. Схема с коронавирусом лишь была использована в качестве благовидного предлога для того, чтобы залить мировую экономику свежееотпечатанными фантиками.

Основная проблема существовавшего долга заключалась в том, что большая его часть – это непродуктивный долг. Правительства используют необеспеченную бумажную валюту для все большего раздувания своих текущих расходов, которые не приносят реальной экономической отдачи. Вне зависимости от того, будет ли коронавирус, как и его «эпидемия», объявлены побежденными или нет, при сохранении текущего положения в экономике долг будет продолжать расти. Причем следствием этого роста долга и дальнейшей финансовализации экономики является еще большее сокращение ее реального сектора, что окончательно сводит на нет любые надежды реально расплатиться по созданным долгам за счет роста производства и производительности труда.

С этим, пока все само по себе не рухнуло, властям необходимо было что-то срочно делать. В качестве благовидного объяснения причин неизбежного финансово-экономического кризиса была задействована схема с коронавирусом и политически продиктованная изоляция и «самоизоляция» населения. Дескать, это не вина совершенно конкретных людей, что все так произошло, а все из-за какой-то некой непреодолимой силы – вируса.

Однако такое решение политических проблем привело

к резкому ухудшению состояния реальной экономики. Без экономического роста инвесторы все больше опасаются того, что заемщики больше не смогут обслуживать свой долг, поэтому они спешат покинуть кредитный рынок. По мере того, как предложение кредита иссякает, многие заемщики становятся не в состоянии рассчитаться по подошедшим к погашению ссудам или перекредитоваться.

Стремясь не допустить краха режима бумажных денег в условиях изоляции, центральные банки снизили рыночные процентные ставки и напечатали новые фантики, чтобы предотвратить дефолт по платежам в государствах, банках и фирмах, испытывавших финансовые трудности. Центральные банки монетизировали и продолжают монетизировать государственный долг в больших масштабах. До сих пор такое можно было наблюдать только во время войны.

Временно удержав систему на плаву, центральные банки нанесли серьезный ущерб тому немногому, что оставалось от экономической системы свободного рынка.

Искусственно заниженные процентные ставки и огромные суммы вновь созданных необеспеченных декретных денег приводят к неэффективному инвестированию в больших масштабах. В нынешних обстоятельствах это дает возможность правительствам и тем, кто стоит за ними, взять еще больше власти в свои руки, одновременно ограничивая права и свободы обычных людей и постепенно все более отказываясь от своих социальных обязательств перед обществом.

Неудобная правда заключается в том, что система бумажных денег и все политические усилия по предотвращению ее краха ведут к ужесточению всех форм давления на обычных людей, делают их беднее и приносят с собой хаос, угнетение и насилие.

Режим бумажных необеспеченных денег является удобным инструментом для тех политических сил, которые хотят трансформировать, переформатировать мировую экономику. Политический истеблишмент, включающий в себя организаторов и участников Всемирного экономического форума в швейцарском Давосе, жизненно заинтересован как в продолжении функционирования механизма необеспеченных бумажных валют, так и разрушении с их помощью системы свободного рынка, поскольку такой подход увеличивает возможности вмешательства государства в жизнь людей.

Так называемый новый мировой порядок, заменяющий систему свободного рынка политически спланированной экономической системой, где обычный человек полностью теряет в случае его реализации на практике свою самостоятельность, представляет серьезнейшую угрозу свободе и процветанию миллиардов людей во всем мире.

Если людей и дальше будут принуждать использовать бумажные необеспеченные валюты вне зависимости от их формы, свободный экономический и свободный общественный порядок не выживут. А движение происходит именно в этом направлении, когда на смену нынешней экономической фор-

магии обществу пытаются навязать неофеодализм, где общество будет разделено на две неравные части: узкий слой финансовой и технологической аристократии и подавляющее большинство не имеющих ничего своего новых крепостных.

Всемирный экономический форум и дивный новый мир

Именно в этом контексте состоявшийся в швейцарском Давосе Всемирный экономический форум (ВЭФ) 2020 года представил план или, как модно сейчас говорить, дорожную карту под названием «The Great Reset».

На русский язык это словосочетание обычно переводится как «Великая перезагрузка». Однако английское слово «reset» имеет и другие не менее показательные значения и может переводиться также как «обнуление» или «сброс». Поэтому в дальнейшем в данной работе будут использоваться все три варианта перевода приведенного выше английского словосочетания: «Великая перезагрузка», «Великое обнуление», «Великий сброс».

План направлен на то, чтобы воспользоваться текущей возможностью и, согласно официальной формулировке, «сформировать экономический подъем и будущее направление глобальных отношений, экономик и приоритетов». Согласно Всемирному экономическому форуму, мир также должен адаптироваться к нынешней реальности, «направляя рынок к более справедливым результатам, обеспечивая, чтобы инвестиции были нацелены на взаимный прогресс, включая ускорение экологически безопасных инвестиций, и что-

бы начать Четвертую промышленную революцию, создавая цифровую экономику и общественную инфраструктуру».

На поверхности поставленные цели выглядят вполне благими. Вряд ли кто-то скажет, что не разделяет их. К тому же реальность показывает, что эти идеи уже реализуются на практике, а технологии, инвестиции в возобновляемые источники энергии и планы устойчивого развития, согласно программе ООН, в той или иной степени воплощаются в жизнь во всем мире.

Общий посыл ВЭФ внешне звучит вполне многообещающе. Лишь пара слов портят всю картину – «управление рынком».

Это вполне совпадает с позицией подавляющего большинства стран, все более усиливающих влияние государства на экономику. В результате реализации программы ВЭФ будут усиливаться протекционизм властей в отношении своих ведущих компаний и контроль над экономикой, а также еще быстрее расти инфляция.

Эти три момента фактически в корне опровергают официально декларируемые ВЭФ идеи нового мира с лучшими и более доступными товарами и услугами для всех, с более высоким уровнем благосостояния самых широких слоев общества, более низким уровнем безработицы и процветающим высокопроизводительным частным сектором.

Есть и еще более негативный момент. Многие приветствовали это предложение как возможность погасить существу-

ющие долги. Это звучит привлекательно, если не понимать, что это на самом деле влечет за собой. Власти могут использовать в качестве предлога списание части или всего своего долга для того, чтобы аннулировать большую часть имеющихся у населения сбережений. Кто-то может вообще лишиться всех своих сбережений.

Причем этот подход даже теорией заговора назвать не получится. Большинство сторонников усиленно продвигаемой в жизнь современной теории денег исходят из того, что государственный дефицит соответствует сбережениям домохозяйств и частного сектора, так что нет никаких проблем с его погашением. Единственная мелкая и незначительная проблема – это соответствие одного долга сбережениям другого. Если рассматривать этот подход в рамках всей глобальной финансовой системы, становится очевидно, что ликвидация триллионов государственного долга одновременно означает ликвидацию триллионов сбережений граждан.

Этим дело не ограничивается. В результате схемы «Великое обнуление» элиты хотят за бесценок, желательно за 10 % от реальной цены или еще дешевле, забрать в свои руки всю ту собственность, которая им пока еще не принадлежит.

Антиутопии Дж. Оруэлла и О. Хаксли и им подобные произведения из своего рода предупреждений стали превращаться во вполне реальные программы практических действий по преобразованию мира и его социальной структуры таким образом, который позволил бы обеспечить господство

одной, крайне небольшой группы лиц над всем остальным человечеством на дальнейший неограниченный период времени. С учетом даже современных технологий феодализм и крепостное право прошлого могут показаться настоящим раем по сравнению с возможным неофеодальным будущим.

Основной вопрос момента заключается в том, готовы ли наши современники сегодня пожертвовать своим будущим и будущим своих потомков, если им позволят их иметь, сделать их новыми крепостными ради корки хлеба? Или, вспоминая Священное писание, решат ли они променять свое первородство на миску чечевичной похлебки или готовы бороться с этим нарождающимся новым феодализмом ради счастья своих детей и внуков?

Для ответа на эти вопросы необходимо понимать, что представляет из себя неофеодализм и какую судьбу он и представители новой аристократии уже сегодня намечают для своих будущих новых крепостных. Они не только не скрывают это, а говорят на эти темы вполне откровенно, называя такой переход к «Новой норме» или Новому мировому порядку или «Великой перезагрузке», а развязанную ими же истерию вокруг коронавируса С OVID-19 – «возможностью для перезагрузки».

Рассмотрим вначале идеологию «Великой перезагрузки», затем те практические методы, с помощью которых элиты рассчитывают достичь поставленных ими целей, а также то, что они рассматривают в качестве возможных методов про-

тиводействия своим планам со стороны широких слоев населения.

Идеология «Великой перезагрузки» по словам ее авторов: вперед к неофеодализму

*А дубы-колдуны
что-то шепчут в тумане,
у поганых болот
Чьи-то тени встают.*

*Л. Дербенёв,
«Песня про зайцев»*

Существующие современные технологии активно манипулируют нашим сознанием, мышлением и поведением самыми различными способами. И по большей части люди совершенно не замечают этого. Власти и компании используют слабости и уязвимости в нашей мозговой деятельности, фактически программируя людей и используя наши тревоги и надежды, чтобы заставить нас выполнять действия, желаемые их хозяевами и заказчиками. Это в полной мере относится как к потреблению определенного контента, так и покупке определенных продуктов или голосованию определенным образом за конкретного кандидата или решение. Отвязать себя от их усилий по нашему программированию (или зомбированию, это как кому нравится) чрезвычайно непро-

сто. Любой родитель, который пытался отучить своего ребенка от социальных сетей хотя бы на несколько дней или часов, прекрасно знает это.

Проблема не нова и не ограничивается техническим сектором. Маркетологи и политики на протяжении десятилетий намеренно использовали нашу эволюционную схему, чтобы заставить нас выполнять их приказы. Механизм как для животных, так и для людей везде примерно одинаков. Все виды животных, включая человека, в процессе эволюции выработали стереотипные поведенческие «ярлыки» к определенным стимулам. Это естественный процесс адаптации, так как жизнь все более усложняется, а стандартизированные реакции дают определенное эволюционное преимущество. По крайней мере, раньше давали.

Ученые, занимающиеся данными проблемами, называют эти модели фиксированных реакций эффектом «щелчка и жужжания». Они работают так, как будто в нашем мозгу была нажата кнопка («щелчок»), которая затем заставляет нас, как роботов, выполнять стандартную последовательность действий («жужжание»). Такой запрограммированный автоматический ответ хорошо служил нашим предкам. Это позволяло им на более высокой скорости, чем без нее, реагировать на возникающие угрозы со стороны хищников. В современном мире многие из этих моделей фиксированного действия не обладают теми же преимуществами и фактически могут быть использованы против нас.

Хорошим примером этого, хотя и не относящегося непосредственно к человеку, является исследование, проведенное специалистом по поведению животных М. В. Фоксом в 1970-х годах. Индюшки очень сильно реагируют на хорьков, которые любят есть индюшат. Поэтому когда индюшка видит хорька, даже чучело, которое держит исследователь, она впадает в ярость, делая все возможное, чтобы царапать и заклевать злоумышленника до смерти. Но индюшка также сильно реагирует на «щелчок» в виде писка, который издают индюшата. Когда она слышит это, то переходит в режим «жужжания» – воспитания: кормить, ухаживать, согревать и чистить их. Он настолько силен, что пересиливает ее программу против хищника хорька. Если в ее поле зрения оказывается чучело хорька, она мгновенно атакует его, но если внутрь чучела хорька поместить устройство, воспроизводящее писк птенца, индюшка полностью изменяет свое поведение. Вместо нападения она начинает кормить хорька, причисляя его к своим цыплятам и пытаясь кормить и чистить. Естественная запрограммированная защита от хорька оказывается взломана, и она начинает действовать в его интересах, а не в своих собственных. Вы, конечно, можете подумать, что это всего лишь глупая индейка. Я же чертовски умнее этой тупой птицы. Никто не может меня так обмануть. Но, это, к сожалению, не так.

У людей, в нашем с вами мозге, заложено столько же паттернов фиксированного действия, а возможно, и больше.

Фактически мы можем быть даже более уязвимыми, чем индюшка, потому что наш вид живет в самой быстро изменяющейся и сложной среде, которая когда-либо существовала на планете. Эти стандартные реакции и «ярлыки» могут быть нужны нам больше, чем когда-либо, чтобы выстоять в сложных условиях.

В этом и заключается одна из опасностей. Точно так же, как М. В. Фокс обнаружил, что может обойти процесс принятия решения индейкой, политики и маркетологи в полной мере овладели наукой обхода принятия наших решений. В человеческом сознании есть множество фиксированных реакций. И те, кто стремится к власти и прибыли, будут использовать наше незнание этих спусковых механизмов и наших естественных реакций на них против нас.

Один из широко распространенных стереотипов – это «дорого равно хорошо». Наш повседневный опыт в большинстве случаев подтверждает это убеждение, ведь более красивые и качественные товары и услуги обычно стоят дороже. Например, покупатели, видя заметно более высокую цену на украшение, приходят к выводу, что оно должно быть более ценным. И поэтому желаннее. Во многих случаях этого достаточно, чтобы заставить их вытащить кошелек и купить его.

Другой вариант таких стандартных реакций заключается в том, что когда кто-то просит нас об услуге, мы с большей вероятностью подчинимся, если нам объяснят причину, по

которой нас просят. Причем дело не имеет ничего общего с истинностью этой самой причины. Самое интересное заключается в том, что практически любой причины будет достаточно, независимо от того, насколько она слаба или неуместна. Люди в значительной степени готовы придать рациональный характер любой причине, чтобы объяснить свою готовность подчиняться.

Оказывается, слово «потому что...» вызывает у людей мощный щелчок и жужжание фиксированного действия. Это мысленный ярлык, который в большинстве случаев говорит нам: «Я должен делать то, что просит этот человек, потому что у него есть веская причина». Показательно, что различные продавцы продуктов питания советуют нам покупать их продукты, «потому что они...», а политики и власти призывают нас принять очередную новую политику, «потому что это правильно». Они намеренно нажимают кнопку «щелчка и жужжания» своей целевой аудитории, пытаясь заставить как можно больше людей действовать в своих интересах, действовать так, как хотят они. Когда вас побуждают «действовать сейчас», стоит дважды подумать, а стоит ли вообще это делать.

В современном обществе, где корпоративные картели контролируют практически каждый сектор экономики, а все ведущие средств массовой информации принадлежат нескольким компаниям, которые можно пересчитать по пальцам, где влиятельные лица со своими собственными

особыми интересами финансируют и контролируют наши политические партии, где большие данные и социальные сети собирают и продают нашу личную информацию, мы оказываемся подверженными в высшей степени изощренной психологической манипуляции в истории любого вида.

Чтобы не стать невольными жертвами, важно, чтобы мы сначала поняли, какие методы взлома нашего сознания используются против нас, чтобы мы могли распознать их и предпринять соответствующие действия, чтобы ослабить их власть над нами. Это непростая задача.

Сегодняшние манипуляции над сознанием людей оттачивались десятилетиями с использованием новейших достижений науки и техники. Они были специально разработаны, чтобы вызывать наши эмоции, усиливать наши страхи и разжигать наши желания. Это часто окутано ложной моралью, призванной заставить нас поверить в то, что сопротивление этому бесполезно и неэтично.

Возьмем, например, «Великую перезагрузку» для одних и «Великое обнуление» для других, которые сейчас так усиленно продвигают ведущие мировые державы, а также разнообразные транснациональные организации и структуры: Всемирный экономический форум, МВФ и т. д. Они рекомендуют правительствам стран начать навязывать своим гражданам чисто конкретный набор действий, представленных в виде некой благородной цели обеспечения устойчивого будущего для планеты.

Сколько из того, что рекомендуется ими в рамках этой схемы, действительно необходимо и в наших интересах? И насколько это служит корыстным интересам тех сил, которые всеми силами продвигают эту программу?

Мы не сможем ответить на эти важные для жизни обычных людей вопросы, если просто позволим им бесконтрольно щелкать по нашим кнопкам, чтобы заставить нас, как роботов, подчиняться и жужжать при каждом их нажатии.

Особое внимание «Великая перезагрузка» привлекает к себе в условиях пандемии коронавируса, которую премьер-министр Канады Джастин Трюдо прямо и открыто назвал «возможностью для перезагрузки».

Повестка дня перезагрузки в первую очередь направлена на демонтаж ныне существующей капиталистической системы. Ближайшие цели предельно просты: еще большая централизация власти и тотальный контроль за всеми областями жизни обычных людей. Схема должна привести к ускоренной автоматизации и роботизации рабочих мест, а также уменьшению расходования энергии. Поскольку численность населения и ее рост напрямую коррелируют с ростом потребления энергии человечеством, реализация схемы должна привести к снижению уровня жизни самых широких слоев населения и резкому сокращению гражданских свобод, а в дальнейшем – к сокращению численности населения до величин, устраивающих власти. Концепцию «золотого миллиарда» никто не отменял, хотя она может быть модернизи-

вана с учетом новых условий.

Еще одним ключевым аспектом «Великого обнуления», или Четвертой промышленной революции, как ее назвал глобалист Клаус Шваб, является слияние человека с машиной.

В своей книге «Формирование будущего Четвертой промышленной революции: руководство по построению лучшего мира» (Далее – «Четвертая промышленная революция») Шваб объяснил, как новые технологии позволят властям «вторгаться в доселе личное пространство нашего разума, читая наши мысли и влияя на наше поведение».

Он совершенно ясно и недвусмысленно дал понять, что неотъемлемой частью «Великой перезагрузки» является трансгуманизм. По его мнению, Четвертая промышленная революция «приведет к слиянию нашей физической, цифровой и биологической идентичности», которая, как он пояснил в своей книге, представляет собой имплантируемые микрочипы, способные читать ваши мысли.

Он прогнозирует, что это послужит стимулом для правоохранительных органов к реализации программ по предотвращению преступлений, так сказать, арестовывать людей просто «по подозрению в желании»: «По мере того, как возможности в этой области расширяются, у правоохранительных органов и судов будет возрастать соблазн использовать эти методы для определения вероятности преступной деятельности, оценки вины или даже, возможно, извлечения

воспоминаний непосредственно из мозга людей». Шваб не скрывает: «Даже пересечение государственной границы может однажды потребовать детального сканирования мозга для оценки, какой индивидуальный уровень риска для безопасности представляет этот человек».

Шваб открыто воспекает трансгуманистическую мечту, разделяемую всеми элитами, которая в конечном итоге должна привести к созданию человеческих киборгов: «Технологии Четвертой промышленной революции не остановятся на том, что станут частью окружающего нас физического мира – они станут частью нас».

«Действительно, некоторые из нас уже чувствуют, что наши смартфоны стали продолжением нас самих. Сегодняшние внешние устройства – от носимых компьютеров до гарнитур виртуальной реальности – почти наверняка станут имплантируемыми в наше тело и мозг».

Шваб открыто поддерживает то, что, по мнению официальных СМИ, является темой обсуждения исключительно для сторонников «теории заговора», а именно «активные имплантируемые микрочипы, разрушающие кожный покров нашего тела».

Он приветствует появление «имплантированных устройств, которые, вероятно, также помогут передавать мысли, обычно выражаемые вербально через «встроенный» смартфон, и потенциально невыраженные мысли или настроения путем считывания мозговых волн и других сигнала-

ЛОВ».

Другими словами, «слияние нашей физической, цифровой и биологической идентичности» относится к трансгуманистическому будущему, в котором каждое движение людей отслеживается, а каждая мысль считывается имплантируемым микрочипом и передается куда следует.

Глобалисты вполне открыто говорят, что хотят и планируют делать.

Стоит рассказать подробнее о таком человеке как Клаус Шваб, чтобы лучше было понятно, откуда ноги растут. Клаус Шваб родился в Равенсбурге в 1938 году. Его детство прошло в Германии Адольфа Гитлера – стране, построенной на «промывании мозгов» и контроле, на пропаганде и лжи, на индустриализме и евгенике, на дегуманизации и «дезинфекции», на страхе и насилии. Это был проект «нового порядка», который должен был продлиться тысячу лет.

Так что для Шваба видение будущего его и его хозяев – это всего лишь повторное изобретение или новая попытка реализации все того же кошмара, но уже на качественно ином технологическом уровне. Это попытка превратить его в реальность не только для Германии, но и для всего мира уже не военным путем, а за счет сговора между элитами и правящими кругами или слоями прежде всего ведущих промышленно развитых стран.

Что касается самого Шваба, то он, как представляется, лишь такая же удобная ширма или витрина, как, например,

тот же Сорос, для нынешних подлинных властителей мира. Поэтому когда мы будем говорить, что приведенные ниже – это мысли и планы Шваба, стоит понимать, что он всего лишь был использован в качестве рупора ведущих прежде всего финансовых транснациональных кругов.

Слова Шваба вновь и вновь подтверждают, его технократическое видение будущего носит извращенный трансгуманистический характер. Оно должно объединить людей с машинами в «любопытных смесях цифровой и аналоговой жизни», заразив наши тела «умной пылью», с помощью которой полиция, очевидно, сможет читать наши мысли и контролировать мозг. Он и его поделельники используют организованную ими истерию вокруг кризиса с коронавирусом, чтобы обойти любую подотчетность, преодолеть сопротивление своим планам, ускорить выполнение своей программы и навязать ее остальному человечеству против нашей воли в рамках «Великой перезагрузки», «Великого обнуления» или «Великого сброса».

Заслуги Шваба перед своими хозяевами оцениваются достаточно высоко, о чем свидетельствует присужденная ему в 2004 году Израилем премия Дэна Дэвида в 1 миллион американских долларов.

Стремление нынешней глобальной элиты к абсолютной власти и преобразование в ее рамках человечества по их моделям продолжается с помощью все более и более авторитарных методов и средств. В зависимости от своих полити-

ческих взглядов и оттенков различные авторы называют этот выстраиваемый ныне «новый мировой порядок» по-разному.

Одни называют его социализмом или коммунизмом, другие – фашизмом. Здесь стоит напомнить, что фашистский проект в Италии и Германии был связан со слиянием государства и бизнеса. Если коммунизм предусматривает захват бизнеса и промышленности государством, что – чисто теоретически – должно происходить в интересах народа, то фашизм – это использование государства для защиты и продвижения в жизнь интересов богатой элиты.

Однако, как представляется, выстраиваемое новое будущее все-таки в гораздо большей степени представляет собой неофеодализм, чем что-либо иное. Этот старый общественный строй, хотя и на новом качественно более высоком технологическом уровне, сегодня продвигается в жизнь под видом глобального управления, биобезопасности, «Новой нормы», «Нового курса природы» и «Четвертой промышленной революции».

Не стоит думать, что Клаус Шваб всего лишь марионетка в руках своих хозяев. Он обладает достаточным влиянием хотя бы потому, что именно он является основателем и исполнительным председателем Всемирного экономического форума, который предпочитает собираться в швейцарском Давосе.

Вначале в 1971 году Шваб основал Европейский фо-

рум по проблемам управления, проводивший свои ежегодные встречи все в том же Давосе. На нем продвигалась идея капитализма «пайщиков» или «заинтересованных сторон» («стейкхолдеров»), при котором бизнес был привлечен к более тесному сотрудничеству с государством.

Деловой журнал «Forbes» описывал «капитализм заинтересованных лиц» как «представление о том, что фирма фокусируется на удовлетворении потребностей всех заинтересованных сторон: клиентов, сотрудников, партнеров, сообщества и общества в целом». В реальности, как отмечал тот же «Forbes», на деле это означало лишь то, что «фирмы могут и дальше в частном порядке перекладывать деньги в карманы своих акционеров и руководителей, сохраняя при этом внешний фасад изысканной социальной ответственности и образцового альтруизма».

В общем социальном контексте концепция заинтересованных сторон еще более гнусная по своей сути, поскольку она отвергала любую идею демократии и участия народа в управлении в пользу права корпоративных интересов. Общество больше не рассматривалось как живое сообщество, а воспринималось как бизнес, прибыльность которого является единственной действительной целью человеческой деятельности.

Шваб изложил все это еще в 1971 году в своей книге «Moderne Unternehmensführung im Maschinenbau» («Современное управление предприятием в машиностроении»),

где его использование термина «заинтересованные стороны» эффективно переопределяло людей не как граждан, свободных людей или членов общества, а как второстепенных участников крупного коммерческого предприятия. Целью жизни каждого человека было «достижение долгосрочного роста и процветания» этого предприятия, проще говоря, защита и приумножение богатства правящей капиталистической элиты.

В 1987 году Шваб переименовал свой Европейский форум по проблемам управления во Всемирный экономический форум (ВЭФ). Это происходило параллельно с тем, как в Советском Союзе М. С. Горбачев развернул свою кампанию «перестройки» и «гласности».

ВЭФ на своем сайте описывает себя как «глобальную платформу для государственно-частного сотрудничества», а его поклонники рассказывают, как он создает «партнерские отношения между бизнесменами, политиками, интеллектуалами и другими лидерами общества, чтобы «определять, обсуждать и продвигать ключевые вопросы на глобальную повестку дня».

«Партнерские отношения», которые создает ВЭФ, нацелены на замену демократии глобальным управлением группой тщательно отобранных и неизбираемых лиц, чья обязанность – не служить обществу, а навязать ему правила 1 %, 0,1 % или 0,00001 % транснациональной элиты, по возможности полностью отстранив всех остальных от какой-либо

возможности участвовать в процессе управления.

Книги, которые Шваб пишет для всеобщего ознакомления, полны двулличных клише корпоративной политики и внешней доброжелательности. В работе «Четвертой промышленной революции» Шваб пишет о «вовлечении заинтересованных сторон и распределении выгод» и об «устойчивых и инклюзивных партнерствах», которые приведут всех нас к «инклюзивному, устойчивому и благополучному будущему». Внешне все выглядит красиво, если не понимать, что настоящая мотивация его «капитализма заинтересованных сторон», которую он все также неустанно продвигал на конференции ВЭФ в Давосе и в 2020 году – это прибыль и эксплуатация.

В своей книге «Четвертая промышленная революция», опубликованной в 2016 году, Шваб писал об «уберизации» работы и вытекающих из этого преимуществах для компаний. Прежде всего речь шла о быстрорастущих стартапах в цифровой экономике: «Поскольку облачные платформы людей классифицируют работников как самозанятых, они – на данный момент – свободны от требования платить минимальную заработную плату, налоги работодателя и социальные пособия». Проще говоря, максимизация корпоративной прибыли при минимизации заработной платы работникам и прочих социальных издержек.

Тот же подход проявляется в его отношении к людям, чья трудовая жизнь подходит к концу и которые нуждаются в

заслуженном отдыхе: «Старение – это экономическая проблема, потому что, если возраст выхода на пенсию не будет резко увеличен, чтобы пожилые члены общества могли продолжать жить, внося свой вклад в производительную силу (экономический императив, который имеет множество экономических выгод), население трудоспособного возраста будет сокращаться, тогда как доля пожилых людей – иждивенцев одновременно будет возрастать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.